

О.А.Волошина

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Россия

Роль концептуальной метафоры в истории лингвистических учений

В статье рассматриваются вопросы истории лингвистических учений в аспекте концепций и теорий, освещающих онтологические признаки языка. Автор анализирует содержание лингвистических теорий 19–20 веков. Отмечается особенность построения индивидуальных метафор или образов языка в концепциях ведущих языковедов 19–20 веков.

Ключевые слова: концептуальная метафора, научные теории, язык — объект изучения, язык — организм, язык — система.

Любая наука на определенном этапе развития предлагает яркий, метафорический образ своего объекта. Формирование такого образа основано на стремлении создать простую модель (от лат. *modulus* — «образец») сложного объекта, при этом подмечается определенное сходство теоретического построения с реально существующим предметом или явлением. На основе такого сравнения складывается новое научное понятие, которое в лингвистике (и в науке в целом) выражается в виде концептуальной метафоры.

При этом метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет ракурс его рассмотрения и стиль мышления о нем. Другими словами, концептуальные метафоры демонстрируют такое видение научного объекта, которое во многом определяет направление и способ его исследования. В этом смысле можно говорить о **метафоре как средстве формирования определенного мировоззрения**. Метафора не просто называет, характеризует новый объект, обнаруживая его сходство с уже известным и названным, но и, по словам А.А.Потебни, «намечает русло для течения мысли» [1; 240].

Великий швейцарский лингвист Ф. де Соссюр писал: «В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения, напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект» [2; 46]. Эта точка зрения всегда является авторской, концептуальные метафоры (модели) основаны на субъективной характеристике научного объекта, тесно связаны с деятельностью конкретного ученого в рамках определенного научного направления.

Можно сказать, что базовая концептуальная метафора задает направление изучения явления, ракурс рассмотрения объекта, стимулируя создание системы более частных метафор и формируя определенное научное мировоззрение. Таким образом, метафора лежит в основе формирования новой научной теории, являясь инструментом добычи нового знания.

Основные (базовые) концептуальные метафоры используют образ одного фрагмента действительности для представления и описания другого фрагмента, основываясь на некотором подобии их структуры. Таким образом, концептуальная метафора позволяет применить опыт, приобретенный в одной области науки, для решения проблем в другой. Следует заметить, что употребление одной теоретической модели в разных областях науки свидетельствует о подвижности и ёмкости рассматриваемой метафоры как средства получения нового знания и формирования научного мировоззрения.

История лингвистики представляет собой череду научных теорий, которые последовательно сменяют друг друга, иногда мирно используя достижения предшествующих концепций, а иногда полностью отрицая положения старой школы, что в истории науки носит название «научной революции». Подобная смена научной парадигмы всегда сопровождается созданием новой концептуальной метафоры, формирующей новую аналогию и, как следствие, нового взгляда на объект изучения.

Язык — сложный объект, понимание, определение и методы исследования которого могут быть основаны на разных его свойствах, признаках и функциях. Различные понимания природы языка оказываются платформами разных научных направлений в лингвистике.

Зарождение языкознания как научной дисциплины (отделение языкознания от филологии, определение ее собственного предмета и методов исследования) традиционно относят к началу XIX в. и связывают с возникновением сравнительно-исторического языкознания. Это научное направление первоначально было основано на идее о формировании, развитии формы слова, которая устанавливается посредством сравнения форм словоизменения разных индоевропейских языков.

У истоков компаративистики стоял видный немецкий ученый Франц Бопп, который впервые научно доказал родство индогерманских языков. Первое научное сочинение Фр. Боппа (1816 г.), заложившее основы сравнительно-исторического языкознания, было посвящено проблеме происхождения индоевропейского слова. По мнению Боппа, слово в древних языках представляет собой соединение разного рода корней — знаменательных и служебных слов. Например, глагольная форма образуется путем сочетания глагольного корня и личного местоимения: *слушаю (я) — audi-o, слушаешь (ты) — audi-s, слушает (он) — audi-t* и т.д. Эта теория Боппа получила название теории агглютинации (от лат. *agglutinatio* — «приклеивание»). Для доказательства своей теории Боппу необходимо было возвести глагольные флексии к личным местоимениям, поэтому он привлекал для сравнения разные индоевропейские языки: санскрит, древнегреческий, старославянский, армянский, готский, литовский и др., надеясь обнаружить сходство личных местоимений и глагольных окончаний. Впоследствии теория Боппа так и не получила ни достойного подтверждения, ни окончательного опровержения, до сих пор это лишь яркая, завораживающая гипотеза о происхождении слова в индоевропейских языках. Однако именно с легкой руки Боппа парадигмы форм спряжения глагола и склонения имени стали рассматриваться в разделе «этимология», как бы в контексте изучения их происхожденияⁱ.

В середине XIX в. в языкознании получила распространение так называемая биологическая метафора «язык — организм». Такая точка зрения на язык сложилась под воздействием бурно развивающейся науки — биологии. Понимание языка как живого организма и перенесение биологических методов исследования в науку о языке способствовало формированию натуралистического направления в языкознании. Основателем этого направления был выдающийся немецкий лингвист Август Шлейхер — восторженный почитатель Чарльза Дарвина.

В результате влияния биологической теории и методологии на языкознание во второй половине XIX в. в лингвистике появляется термин «морфология»ⁱⁱ. В 1859 г. в книге «О морфологии языка» Август Шлейхер предлагает новую типологическую классификацию языков, в которой под морфологией понимались особенности строения слова в разных языках. Не случайно именно морфология являлась основой для первых типологических классификаций языков мираⁱⁱⁱ.

Стоит заметить, что и до Шлейхера лингвисты (например, Франц Бопп) употребляли термин «организм» по отношению к языку, но этим они лишь подчеркивали цельность языка как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Однако А.Шлейхер предлагает рассматривать язык как живой организм, который развивается подобно животному или растению, минуя поочередно стадии детства, юности, зрелости и старости. Эти стадии развития языкового организма лежат в основе типологической классификации языков А.Шлейхера и формируют теорию стадийного развития языков мира.

– Детство языка — **изолирующий язык** (например, китайский). Эта стадия развития языка соответствует одноклеточным простейшим живым организмам в биологии.

ⁱ В современной лингвистике под **этимологией** (от греч. *ετυμολογία* от *ετυμον* — «истина» и *λόγος* — «слово, учение») понимается учение о происхождении слов, а до конца XIX в. этот термин употреблялся в значении «морфология». Исторический подход к изучению языка доминировал в лингвистике на протяжении XIX в. и считался единственно научным. Постепенно, помимо исторического взгляда на формы словоизменения, благодаря которому можно было установить их происхождение («этимология»), внимание лингвистов было обращено на статическое (синхронное) описание систем формообразования в одном или нескольких языках («морфология»).

ⁱⁱ Еще в 1822 г. Гёте предложил включить термин «морфология» (от греч. *μορφή* — «форма» *λόγος* — «слово, учение», т.е. «учение о форме») в терминологическую систему естественных наук (биологии, физиологии и геологии и др.) для описания форм живой и неживой природы. Так, биология оперирует понятием «морфология органического мира», а в геологии активно применяется описание «морфологии горных пород» и т.п.

ⁱⁱⁱ Еще Фридрих Шлегель предложил делить языки на **флективные** (от лат. *flexio* «сгибание, изгиб, поворот, переход») и **аффиксирующие**, в зависимости от наличия или отсутствия изменений в корне («внутренней флексии»). К первому типу он отнес древние индоевропейские языки (санскрит, древнегреческий, латинский и др.), ко второму — тюркские языки, которые характеризуются неизменным корнем в составе словоформ. Его брат — Август Шлегель добавил еще один тип — **аморфный** (без формы), к которому относятся языки (например, китайский), не имеющие форм словоизменения.

Позднее типологическая (морфологическая) классификация предложила делить языки на **фузийные** (от лат. *fusio* — «сплав») и **агглютинативные** (от лат. *agglutinatio* — «приклеивание»). В основе этого противопоставления — характер соединения морфем в словоформе: агглютинация предполагает четкий морфемный шов, показывающий механическое присоединение морфем друг к другу (приклеивание, склеивание), а фузия — отсутствие четкой морфемной границы («сплав» на стыке морфем). Термин «агглютинация», как уже было сказано, введен Францем Боппом, а «фузия» — Эдвардом Сепиром в работе «Язык».

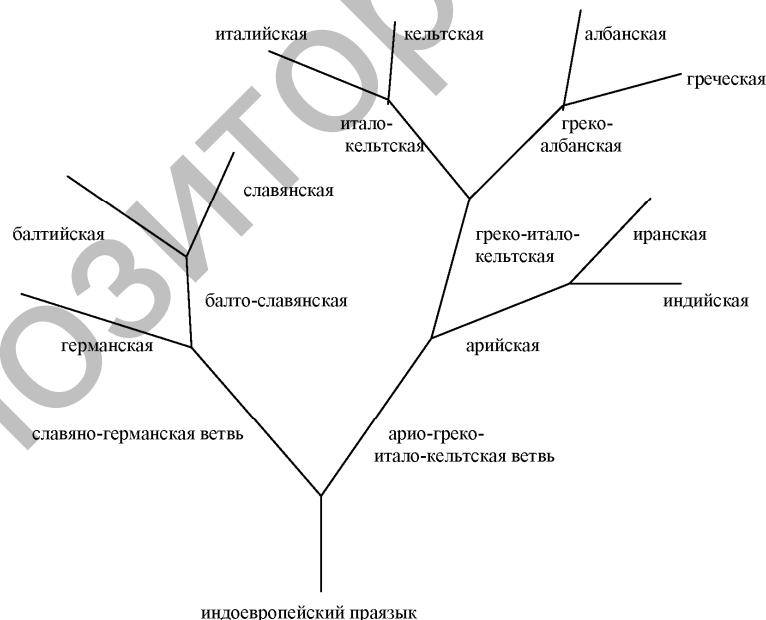
- Юность языка (становление) — **агглютинирующий язык** (тюркские языки). Эта стадия соответствует растениям, грибам и простейшим многоклеточным организмам.
- Зрелость языка (расцвет) — **флективный язык** (древние индоевропейские языки). Эта стадия соответствует высшим многоклеточным организмам.
- Старость языка (деградация) — **аналитический язык**^{iv} (современные романские или германские языки, например английский язык).

В результате механического перенесения биологической теории в языковедение возникло понимание о том, что языки в процессе эволюции боролись за существование, при этом выживали такие, чье внутреннее устройство наиболее успешно позволяло языку функционировать в человеческом обществе. Так, баскский язык, по Шлейхеру, был единственным дошедшим до наших дней представителем семьи языков, не выдержавшей конкуренции с более совершенными индоевропейскими языками.

Как уже было сказано, базовая концептуальная метафора (модель) не только задает направление исследования объекта, но и порождает множество частных метафор. Биологическая метафора в языковедении ввела в научный обиход такие понятия, как **семья родственных языков, праязык, родословное (генеалогическое) древо языковой семьи** и т.п.

Языки, которые развились из общего исходного языка, стали называться родственными — их совокупность образует языковую семью. При этом Шлейхер предлагал схематично изображать процесс дивергентного развития индоевропейских языков в виде родословного древа, ствол которого является общим праязыком-предком, а ветки — отдельными группами семьи родственных языков. Картинка родословного древа позволяет говорить о «дальнем» или «ближнем» родстве языков, объединенных в одну семью: с одной стороны, например, индийские и германские языки (дальние родственники), с другой — славянские и балтийские (близкие родственники).

Разделение крупной ветви родословного древа на более мелкие (например, балто-славянской на балтийскую и славянскую) происходит в результате появления все большего количества различных изменений в лексике, фонетике и грамматике некогда единого языка.



Идея **реконструкции праязыка** также была заимствована А.Шлейхером из биологии: возможность воссоздания праязыка возникла по аналогии с системной реконструкцией организмов по их останкам (фрагментам). Шлейхер разработал метод реконструкции праязыкового состояния на базе сравнения слов и отдельных форм разных индоевропейских языков. Чтобы продемонстрировать воз-

^{iv} Особыми терминами были обозначены две возможности выражения грамматического значения в языках: **синтетический** тип языков, названный так из-за наблюдаемого синтеза лексического и грамматического значения в одном слове, и **аналитический** тип, названный так из-за раздельного выражения лексического и грамматического значения в языках (анализ – разделение).

возможности метода Шлейхер составил басню «Овца и кони» на гипотетически реконструированном индоевропейском праязыке, в результате чего лингвисты впервые увидели текст на языке предков — индоевропейцев. Продукт реконструкции, как и сами методы, с тех пор предмет жарких споров компаративистов^v.

Схематичное представление развития родственных языков в виде родословного древа, несмотря на критику, до сих пор лежит в основе современных представлений о развитии родственных языков. Стоит заметить, что изображение исторического развития родственных языков в виде родословного древа дает представление только о расхождении родственных языков (дивергентное развитие), но не может отразить процесс объединения различных языков (конвергентное развитие).

Сам А.Шлейхер в беседах со своими учениками (в частности, с Иоганном Шмидтом) говорил о «географической непрерывности», которая состояла в том, что с точки зрения распространения по территории языки мира почти всегда представляют собой непрерывный континуум. И.Шмидт положил эту идею в основу своей «теории волн», смысл которой состоял в том, что любое языковое явление (фонетическое, грамматическое или лексическое) распространяется по определенной территории, подобно волнам от брошенного в воду камня. Идея «географической непрерывности» переключила внимание исследователей-компаративистов на проблему диалектного членения индоевропейской языковой области. В результате развития подобного подхода в языкознании сформировалось новое направление — **лингвистическая география** (или **ареальная лингвистика**).

Влияя друг на друга, различные научные метафоры определяют направление научного поиска. Так, можно сказать, что метафора родословного древа А.Шлейхера иллюстрирует диахроническое развитие языков, а «теория волн» И.Шмидта — синхронное состояние языков. Поскольку концептуальная метафора имеет гипотетическую природу, ключевые метафоры, формирующие представление об объекте, могут плохо сочетаться друг с другом или совершенно отрицать друг друга. В данном случае обе метафоры мирно сосуществуют, взаимно дополняя друг друга и характеризуя сложный объект с разных сторон^{vi}.

Теория родословного древа, как уже было сказано, неоднократно подвергалась критике, вызвала оживленную дискуссию и в XIX и XX вв.^{vii}. Многие влиятельные языковеды считали родословное древо научной фикцией, сослужившей свою службу и достойной списания в архив. Так, знаменитый яркими полемическими выступлениями Гуго Шухардт, критикуя теорию дивергентного развития родственных языков, также прибегал к метафоре и говорил о том, что в природе не существует дерева, ветки которого бы вновь срослись, а разошедшиеся когда-то языки могут вновь влиять друг на друга, т.е. представлять результат языкового смешения. Более того, язык может испытывать влияние со стороны соседнего языка, принадлежащего другой языковой семье. Влияние неродственного языка может быть настолько существенным, что можно говорить о том, что срослись ветки стоящих рядом деревьев.

Критикуя схематизм «родословного древа», Шухардт писал: «Если бы кто-нибудь пожелал бы ... изобразить родословное древо английского языка в виде ствола с двумя ветвями, американской

^v В разное время специалисты по сравнительно-историческому языкознанию по-разному отвечали на вопрос о принципиальной возможности создания реконструкции индоевропейского праязыка. Так, выдающийся французский компаративист Антуан Мейе в первой половине XX в. категорически заявил: «Праязык восстановить нельзя». Противоположного мнения придерживался русский ученый В.М.Иллич-Свитыч — основоположник ностратической теории. Эпиграфом к своему словарю «Опыт сравнения ностратических языков» (1966 г.) он предложил реконструированный текст на праностратическом языке.

^{vi} Совместить оба подхода при описании индоевропейских языков (исторический и географический) попытался ученик А.Шлейхера А.Лескин. Он предложил рассматривать географическую непрерывность разных индоевропейских языков как определенный этап их развития, который соответствовал периоду общего существования индоевропейского праязыка на небольшой территории, до выделения из него отдельных индоевропейских языков. Таким образом, отличия индоевропейских языков представляли собой диалектное членение общего праязыка, а контакты одного языка с разными соседними областями становились вполне понятными (например, в какой-то период славянские языки тесно контактировали с индийскими, в результате чего возникла общая особенность — палатализация, затем предки славян стали общаться с германцами, возникла другая особенность, объединяющая славянские и германские языки, и т.п.).

^{vii} В начале XX в. теорию родословного древа активно критиковал академик Н.Я.Март — создатель «Нового учения об языке». Март отрицал принципы и методы традиционного сравнительно-исторического языкознания, предлагая взамен теорию **стадиального развития** языков. Историческое развитие языков он предлагал рассматривать как ступенчатое движение человеческого языка: на определенной ступени развития язык демонстрирует особое устройство языковой системы (языковой тип). Постепенно язык меняет свой языковой тип и переходит на следующую ступень общего языкового развития, причем уровень развития языка определяется развитием общества в целом (формой общественного устройства, уровнем развития экономики и т.п.).

и британской, в свою очередь расчленившимися на множество диалектов, то он допустил бы двойную ошибку: во-первых, американский язык был бы объединен здесь с чисто английским, причем их возникновение было бы отмечено как одновременное, тогда как в действительности американский язык моложе самого молодого английского диалекта; во-вторых, американский язык был бы показан на этом древе как родоначальник многочисленных диалектов, в то время как на самом деле он никогда не существовал как нечто единое и ему в равной мере присущи как внутренние, так и внешние расхождения» [3;132].

Шухардт предлагал отказаться от биологической метафоры и рассматривать проблему языкового смешения с точки зрения психологии говорящих: «Проблема языкового смешения, тесно связанная с проблемой двуязычия, весьма сложна и запутана и может быть разъяснена лишь на основе психологии. Два языка смешиваются не как две неоднородные жидкости, но как две разные деятельности одного и того же субъекта» [3;175].

Схематичное представление процесса развития языков в виде родословного древа активно критиковал выдающийся лингвист конца XIX в. Бодуэн де Куртенэ. В работе «Опыт фонетики резьянских говоров» он писал о том, что изучаемый им славянский говор (резьянский), испытавший сильное влияние мадьярских (финно-угорских) языков, представляет собой нечто среднее между славянским и мадьярским языковым типом (сохраняет индоевропейское ударение и приобретает сингармонизм, свойственный туранским языкам). По мнению Бодуэна де Куртенэ, большинство языков мира являются результатом языкового смешения, так как благодаря постоянным контактам с соседними языками язык приобретает фонетические, грамматические и лексические черты соседей, иногда кардинально меняя языковую структуру.

Бодуэн де Куртенэ одним из первых сформулировал принцип **относительной хронологии** языковых изменений. В языке постоянно происходят различные процессы в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Язык меняется непрерывно, однако некоторые части языковой системы оказываются более подвержены изменениям (фонетика и лексика), другие демонстрируют сопротивление системы — оказываются наиболее устойчивыми к изменениям (грамматика). В результате многочисленных изменений язык представляет собой совокупность архаизмов и инноваций, которые с трудом поддаются хронологизации. Бодуэн де Куртенэ предлагал различать разные наслоения: «**пласты** в составе и строении каждого языка, **слои**, аналогичные геологическим пластам в строении земной коры, а также раскрытым антропологией пластам в разного рода явлениях человеческой жизни. Одной из задач науки является определение **хронологической последовательности** этих пластов, упорядочение наслоений» [4;248].

Некоторое время биологическая метафора (**язык — саморазвивающийся организм**), заложившая натуралистическое направление в лингвистике, задавала направление научным поискам и формировала лингвистическое мировоззрение. Однако впоследствии лингвисты по-новому определили объект своей науки, выделив другие признаки его устройства и функционирования.

В конце XIX в. в индоевропейском языкознании на смену метафоры **язык — организм** пришло понимание языка как **результата индивидуальной языковой деятельности**. Младограмматики (ученики Шлейхера) попытались совместить противоположные подходы к исследованию языка: с одной стороны, **язык — объект**, имеющий собственные законы развития (**звуковые законы** как объективный фактор развития языка), а с другой стороны, **язык — продукт речевой деятельности индивидов** (**аналогия** как психологический механизм развития языка).

Понимание языка как объекта и выявление объективных принципов его изменения и развития — дань старой школе А.Шлейхера. Фонетические законы были сформулированы в лингвистике под воздействием естественных наук, как попытка включить языкознание в сферу естественных наук. Звуковые (фонетические) законы представлялись младограмматикам надежным средством доказательства родства языков, способом объективного описания закономерностей их развития. Однако уже Г.Шухардт предлагал учитывать психологический и социальный факторы изменения языков, а фонетические законы понимать «не более как вехи, призванные указывать нам дорогу в густом лесу» [3; 197].

Поскольку язык используется человеком в процессе коммуникации, психология говорящего определяет некоторые характерные черты строения и функционирования языка. В результате действия фонетических законов образуются аномальные, неправильные формы слов и морфем. Например, согласно закону палатализации в славянских языках произошло изменение задненебных заднеязыч-

ных согласных (к, г, х) в позиции перед гласными переднего ряда в шипящие или свистящие звуки: *человек* (им.п.) — *человеке* (зв.), *рука* (им.п.) — *в руке* (м.п.) и др.

Однако говорящий стремится упорядочить систему языка, сделать ее правильной и симметричной, в результате чего происходит изменение нерегулярных форм по модели правильных иррегулярных — «по аналогии»: *рука* — *в руке*. Таким образом, аналогия — систематизирующее начало в языке, сила, противоположная закономерным и регулярным фонетическим изменениям.

В конце XIX в. в лингвистике мирно или не очень мирно сосуществовали несколько научных направлений: натуралистическое, психологическое, социальное и др. Концепции некоторых лингвистов совмещали принципы разных научных школ. Как уже было сказано, младограмматики опирались и на натурализм, и на психологизм в понимании природы языка. В XX в. появились новые подходы в изучении языка.

Среди множества концептуальных метафор XX в. наиболее значимой, на наш взгляд, является метафора швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра «**язык — система**». «Курс общей лингвистики» Соссюра предложил научному миру совокупность ярких метафор, которые по-новому представляли исследуемый объект и предлагали новый способ организации знаний — **структурную лингвистику**.

По Соссюру, язык можно уподобить «игре в шахматы». Поскольку каждая единица выполняет особую функцию в языковой системе, «значимость» единицы зависит от всей системы. Изменение позиции одной единицы в системе неизбежно влечет за собой перестройку всей системы в целом, подобно тому, как ход шахматиста в процессе игры меняет положение фигуры на шахматной доске и влечет за собой закономерное и неизбежное развитие событий (динамика языковой системы).

Идея Соссюра о системном устройстве языка прочно утвердилась в лингвистике в начале XX в. Последователи Соссюра стали рассматривать язык как систему взаимосвязанных элементов, исследования были направлены на поиск структурных отношений элементов в системе языка.

Представление о языке как о сложной системе, имеющей иерархическое устройство, нашло отражение в метафорическом выделении «уровней» («ярусов») языка и **языковых единиц**. Метафора «этажерка уровней» предполагает выявление взаимообусловленных языковых единиц, которые в совокупности образуют систему языка:

- синтаксический уровень — **предложение**;
- лексический уровень — **слово**;
- морфологический уровень — **морфема**;
- фонематический уровень — **фонема**^{viii}.

Единицы одного уровня являются однородными и объединяются в подсистему, а единицы разных уровней демонстрируют иерархическое устройство системы. Единицы системы связаны отношениями разного рода: синтагматическими (они образуют синтагму, имеющую характер линейной протяженности) и парадигматическими (единицы одного уровня могут чередоваться в составе единицы более высокого уровня).

В рамках структурного подхода к языку единица стала определяться в зависимости от ее связей с другими единицами, т.е. от места в системе, а усилия лингвистов были направлены на то, чтобы описать системное устройство каждого отдельного уровня. Наиболее удачно с точки зрения структурного подхода был описан самый нижний уровень — фонематический. Любимое детище структурализма — фонология.

Фонема трактовалась как абстрактная единица (фонему, в отличие от звука, нельзя произнести), которая характеризовалась как совокупность дифференциальных признаков, т.е. тех признаков, которые позволяют противопоставить эту единицу другим единицам системы. Например, фонема /m/ противопоставлена фонеме /d/ по признаку «глухой» — «звонкий», фонеме /c/ — по признаку «смычный» — «щелевой» и т.д. Система фонем оказывалась четко структурированной на основе оппозиций (противопоставлений по признакам).

Итак, структурное описание языка началось с изучения низшего уровня языковой системы — фонетического. Как уже было сказано, важным достижением такого подхода к языку явилось создание фонологии как особой дисциплины в составе науки о языке. По аналогии структуралисты попытались описать морфологию и лексику.

^{viii} Стоит заметить, что структуралисты выделяли разное количество уровней языковой системы в зависимости от особенностей языковых единиц. Мы предлагаем упрощенную схему самых основных языковых уровней.

Например, метод компонентного анализа в лексикологии, который основан на том, что значение слова — сложный феномен, который можно разложить на составляющие элементы значения (семы). Термины родства (*дедушка, бабушка, папа, мама, тетя, дядя, сын, дочь, племянник* и т.п.) раскладываются на следующие компоненты: пол родственника, поколение родственника и линейность: прямая линия — прямые предки или потомки говорящего; боковая линия — непрямые родственники, имеющие с говорящим общих предков; дальние родственники (остальные кровные родственники). Например, *дедушка* —

- пол мужской,
- на два поколения старше говорящего,
- прямая линия (прямой предок говорящего).

Метод компонентного анализа работает при описании четко структурированного лексико-семантического поля (например, термины родства). Однако в целом языковые единицы, обладающие значением, с трудом поддавались структурному описанию.

Что касается синтаксиса, то многие структуралисты (в частности Э.Бенвенист) вообще предлагали отказать синтаксису в статусе уровня языковой системы, предложив рассматривать синтаксис как продукт творчества говорящей личности, как результат использования языковой системы в речи. Опираясь на соссюрсовское противопоставление языка и речи (язык — система знаков, а речь — использование этой системы в процессе коммуникации)^{ix}, Бенвенист писал: «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является сама речь» [5; 139].

Противопоставляя язык и речь, Соссюр ограничивал сферу интереса лингвистики исключительно языком, выводя изучение речи за рамки лингвистического анализа. Доведя до логического завершения такой подход, Соссюр ввел оппозицию внутренней и внешней лингвистики. Только внутренняя лингвистика, изучающая устройство языковой системы, могла претендовать на звание подлинно научного направления, а внешняя лингвистика, которая исследовала историю, географию, религию, культуру и т.п. говорящего народа, оказывалась за рамками языкознания как науки.

Однако структуралисты также предлагали попытки описания синтаксиса. Например, Люсьен Теньер в работе «Основы структурного синтаксиса» [6] разработал систему представления иерархического устройства простого предложения — структуру зависимости. Теория Теньера опиралась на иерархический принцип организации предложения: в предложении всегда есть главные члены и зависимые от них второстепенные, среди которых, в свою очередь, также можно выделить главные и зависимые.

Главным членом всего предложения является глагол — часть речи, которая обозначает действие^x. При глаголе могут быть актанты — действующие лица, при этом в зависимости от их количества глагол может иметь разную актантную структуру. Для описания структуры глагола, на основе которой формируется все предложение, Теньер вводит понятие валентности глагола. Валентность — это способность глагола присоединять разное количество актантов^{xi}. Теньер выделяет:

- безвалентные глаголы, т.е. глаголы без актанта (безличные), при которых не может быть действующего лица: *смеркается*;
- одновалентные глаголы, т.е. глаголы с одним актантом (непереходные), при которых может быть лишь один актант: *Альфред падает*;
- двухвалентные глаголы, т.е. глаголы с двумя актантами (переходные), при которых может быть два действующих лица — субъект и объект: *Альфред бьет Шарля*;
- трехвалентные глаголы, т.е. глаголы с тремя актантами: *Альфред дает Шарлю книгу*^{xii}.

Синтаксическая теория Л.Теньера была попыткой выявить структурное устройство предложения в разных языках мира и предлагала считать синтаксис главным объектом описания лингвистики, центром лингвистического исследования.

^{ix} Соссюр сравнивал язык как систему с записью симфонии, а речь — с исполнением этой симфонии.

^x В предложении только один главный член — глагол, а не два (подлежащее и сказуемое). Согласно Теньеру, подлежащее входит в структуру предложения как один из актантов глагола наряду с прямым или косвенным дополнением.

^{xi} Заметим, что сам термин «валентность» был также заимствован Теньером из естественных наук.

^{xii} Теньер сравнивает действие, выраженное глаголом, с представлением пьесы в театре. Предложение с безактантным глаголом можно сравнить с ситуацией, когда действие началось (на сцене стоят декорации, идет снег и играет музыка), однако на сцене нет ни одного актера. Предложение с одноактантным глаголом описывает ситуацию, когда на сцене играет один актер, и т.д.

Современная лингвистика не только считает синтаксис полноправным уровнем языковой системы, но и рассматривает устройство и функционирование языковых единиц, превышающих предложение: текст, дискурс. Таким образом, ученые говорят о том, что предметом лингвистического описания становится все более крупная языковая единица, характеристика которой выходит за рамки собственно лингвистических дисциплин. Для адекватного описания подобных единиц лингвистика должна активно использовать данные других наук: психологии, физиологии, логики, социологии, культурологии и др.

Во второй половине XX в. именно синтаксис оказался в центре внимания лингвистов. Американский лингвист Ноам Хомский выступил с критикой структурного подхода за то, что структурализм, поместив в центр внимания фонологию, а не синтаксис (которому часто вообще не находили должного места в системе языка), даже не пытался ответить на главный вопрос лингвистики — о связи языка и мышления, о процессе вербализации мысли.

Хомский предложил синтаксическую теорию «**порождающей (генеративной) грамматики**», согласно которой предложения конкретного языка выводятся из ограниченного количества исходных структур путем последовательных трансформаций. Мы видим, что у Хомского метафора «порождение речи» представляла всего лишь модель структурного описания синтаксиса. Однако именно эта метафора наметила пути развития лингвистической мысли, так как не грамматика «порождает» речь, а говорящая личность в процессе речевой деятельности.

Современная антропоцентрическая лингвистика, используя метафору Соссюра «**язык — игра в шахматы**», предлагает переключить внимание ученых с исследования устройства и правил игры на самих игроков, т.е. на говорящую личность. Язык — система коммуникации, обслуживающая все общество в целом, однако говорящие по-разному пользуются языком (как и в шахматы могут играть как гроссмейстеры, так и маленькие дети).

Современные лингвистические исследования могут быть посвящены языковой характеристике отдельной личности, при этом рассматривается отражение в текстах мировоззрения говорящего, его отношение к тому, что он сообщает, эмоциональное состояние говорящего и т.п. Лингвистика разработала приемы идентификации личности по речи (определение возраста, образования, пола, профессиональной принадлежности говорящего и т.п.).

Кроме того, активно исследуется **языковая картина мира**, т.е. способы выражения языковыми средствами мировосприятия, моделирования окружающей действительности, отношения к миру всего народа в целом. Заметим, что метафора «картина мира» предполагает субъективный взгляд на предмет, который является основой мировоззрения как отдельного человека, так и целой нации.

Итак, концептуальная метафора в научном контексте моделирует образ объекта изучения. Модель всегда абстрактна и условна, поэтому, как всякая модель, выделяет одни стороны, признаки изучаемого объекта, а другие, наоборот, затемняет или даже искажает. Употребление новой метафоры для обозначения объекта науки может явиться причиной создания нового направления в развитии науки. Однако даже одна и та же метафора в разных научных контекстах может стимулировать разные пути научных исследований. Сложность смысловой структуры слова, на котором строится метафора, часто является причиной того, что один и тот же объект представляется с разных сторон, в зависимости от контекста. Поэтому метафора всегда таит возможность нового взгляда на известный объект, который выявит ранее не замеченные свойства и отношения. Таким образом, метафора может стать каналом получения новой информации об объекте, благодаря которому происходит расширение, углубление, а в конечном счете, и перестройка всей традиционной системы знаний о мире.

Список литературы

- 1 *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. — Т. 1. — М., 1963.
- 2 *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. БГК им. И.А.Бодуэна де Куртене, 1998.
- 3 *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Мышление поэтическое и мифическое // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
- 4 *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Ф де Соссюр. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.
- 5 *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. — М.: Прогресс, 1988.
- 6 *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. — М.: УРСС, 2003.

О.А.Волошина

Лингвистикалық ілім тарихындағы концептуалды метафораның рөлі

Мақалада тілдің онтологиялық белгілерін сипаттайтын концепциялар мен теориялар аясында лингвистикалық ілімдер тарихы мәселелері қарастырылған. Автор XIX–XX ғасырлардағы лингвистикалық теориялар мазмұнына талдау жасаған. Аталған кезеңдердегі жетекші тілшілер концепцияларындағы тілдің жеке метафораларының немесе образдарының құрылымы ерекшелігі жан-жақты зерттелген.

In the article are considered the questions of history of linguistic doctrines in aspect of concepts and the theories shining ontologic attributes of language. The author analyzes the maintenance of linguistic theories of the 19–20 centuries. Feature of construction of individual metaphors or images of language is marked on the basis of concepts of leading scientists of the 19–20-th centuries.

УДК 82.02

О.Ю.Загинайко

*Институт магистратуры и докторантуры PhD Казахского национального университета им. Абая, Алматы***Колористика военной прозы К.Д.Воробьева**

В статье рассматривается, какая цветовая палитра используется при описании войны в произведениях К.Воробьева «Убиты под Москвой», «Крик», «Это мы, Господи!». Эти произведения обладают невероятно яркой, многокрасочной палитрой. Выявлены четыре наиболее часто встречающихся цвета во всех трех повестях. Самый частотный цвет — белый, на втором месте — черный, после по частоте употребления — красный и желтый. В тексте статьи рассматривается семантика и символика этих цветов. Цвет не существует сам по себе, он всегда связан с существительным. Эти маркированные существительные распределяются по тематическим группам: мир человека, мир природы и предметный мир. Всё это позволяет рассмотреть особенность цветописания войны у Воробьева.

Ключевые слова: колористика, военная проза, семантика и символика цвета, маркированные существительные, предметный мир, поэтика, цветописание, цветохарактеристики, цветовая палитра, милитарифакты, антропологические описания, цветопись, цветообраз, натурфакт.

При анализе поэтики прозы К.Воробьева обращает на себя внимание яркая цветовая палитра его произведений «Убиты под Москвой» (1961), «Крик» (1962), «Это мы, Господи!» (опубликовано в 1986). Своеобразие языка прозы К.Д.Воробьева отмечал В.П.Астафьев: «Константин Воробьев силен там, где он пишет, точнее, живописует свободно, давая себе и своему воображению полный простор, а языку, кстати говоря, отличному, богатейшему оттенками и красками, русскому языку — полное дыхание, как ветру, напоенному запахами родной ему курской земли, русских полей и садов» [1; 89]. В последние годы появились работы, всесторонне изучающие язык художественной прозы К.Д.Воробьева [2, 3]. Исследователи отмечают «специфичность лингвоцветовой палитры писателя» [2; 76], «цветовое слово у К.Д.Воробьева не только выступает чрезвычайно важным средством эстетического воздействия, но и отражает индивидуальность мировидения писателя» [2; 110]. В рамках статьи мы хотели бы рассмотреть цвет в произведениях только военной прозы писателя, определив тем самым особенности цветописания войны у К.Д.Воробьева.

В изучении цвета в филологии выделяются два направления: лингвистическое и литературоведческое. Цветообозначающая лексика достаточно полно исследована в различных аспектах: фоносемантическом (Р.О.Якобсон, А.П.Журавлев), историко-лингвистическом (Н.Б.Бахилина, Л.М.Грановская), этимологическом (Н.В.Серов, А.Вежбицкая), этнопсихологическом (А.В.Михеев, Р.М.Фрумкина) и т.д. Отдельное направление представляют работы лингвистов, обращающихся к анализу художественных средств языка различных писателей (Г.К.Тойшибаева, Л.П.Прокофьев, Н.А.Резник, С.Э.Нурланова и мн. др.).